

Ирина МУРАВЬЕВА

«НЕЛЬЗЯ НЕ ЖИТЬ...»

Владимир Гандельсман. *От фонаря*. – М.: НЛЮ, 2024. – 312 с. – Серия «Художественная словесность»

В одном из писем к Ольге Фрейденберг Пастернак воспользовался английским выражением «chainless mind», то есть «сознание без цепей», и на первый взгляд проза Гандельсмана «От фонаря», почти лишенная сюжета, подходит под это определение. Как, например, оценить внезапно появившуюся внутри текста такую картинку: *«Провезли мальчика-калеку. Такая длинная шея, как будто она росла и росла, а он в росте остановился. Служащий толкает тележку, а сестра (видимо, сестра) поддерживает его голову... Порция горя внезапного».*

О чем это? Зачем появляется мальчик-калека, который исчезнет навсегда и больше нигде не мелькнет? Я читаю эту книгу, погружаюсь в неё, и она, теряя твердые очертания, вырисовывает то край ускользающего неба, то мелкие волны реки, то город, то острое горе любви, и постепенно всё отчетливее проступает в ней прячущаяся за чужими спинами личность автора. О том, за чьи спины он прячется, я скажу позже, но с первых страниц очевидно, что это свидетельство памяти, которая сохранила все: людей отдаленных и близких друзей, родителей, дома, себя самого, – то мальчика, то вполне зрелого мужа – и чад сновидений, и город, и мир. Собрать в одно целое жизнь – задача нелегкая. Ведь жизнь твоя – больше, чем ты. В ней много дыханий, не только людских, поскольку и город твой дышит, и снег, и даже слова, кем-то обороненные. И воспоминания твои и все твои выводы основаны на этом жадном и жарком дыхании: *«Смысл любви в том, – пишет Гандельсман, – что все самые последние соринки, живые и неживые, становятся связаны воедино. Быть может, только в этом смысл больших чувств вообще. Если спасение (от чего и куда? От страха «никуда» в никуда) понимать, как блаженное переживание связанности всего явленного, то чувство, самая демократичная, если не сказать низшая способность живого существа, – это возможность спасения».*

Я уверена, что эта уникальная по своей красоте книга, включая ее иронические и юмористические вкрапления, на самой последней своей глубине есть просьба о личном спасения. Хотя ведь все умные книги написаны так. Она в их ряду.

«Я вышел на площадь Искусств, к памятнику. Есть романтическая фантазия, что умирающий Пушкин сказал «прощайте» книгам. Уверен, что так и было. Людей ждет та же участь, зачем прощаться? А книги – либо неумирающие, либо мертворожденные. Во всяком случае, мне говорили, что там их нет».

Гандельсман редко одаренный человек. Легко быть «носителем» дара? Совсем нелегко. Ведь дар тот же крест, ломающий ребра. Вспомнив «романтическую фантазию» об умирающем Пушкине, он не позволил себе ни одного слова про «там». Он лишь повторил про отсутствие книг, сославшись, что *кто-то* ему так сказал. Поэт, пишущий прозу, не выбирает стиля, стиль зарождается сам, он подчинен приливам и отливам достоверности в той же мере, в которой он подчинен приливам и отливам незарифмованного стиха. Книга получилась свободная, пытливая и настолько насыщенная мыслями, что, читая её, чувствуешь, словноходишь в лес, и он поглощает тебя, сам

меняясь: то чисто сосновый, с его крепким запахом, то вдруг начинаются свежие саженцы, то путь твой ныряет в овраг, где тьма и крапива, которая жжется, и ты возвращаешься весь в волдырях.

«Почему человек просыпается? Потому что его сон кончился. Там, где я бродил в своей неприменимости, я переключивал из сна в сон, пока он счастливым образом не иссяк. Но в старости или в смертельной болезни эта дурная бесконечность разыгрывается совсем по-другому, и хотя там тоже томление, но оно существует в другом своем значении, в значении “умирания”».

В прозе Гандельмана времени в его четком хронологическом понимании нет. Однако при очень пристальном чтении, которое, как мне представляется, слегка мешает, можно расчленить текст на некие доли, каждая из которых может быть еще несколько раз расчленена, поскольку проза эта состоит в основном из поэтической материи, подверженной подъемам и падениям, наплывам и умолчанию, – но если, повторяю, постараться все-таки нащупать хронологию, то она, оказывается, существует, заросшая снами, стихами, вставными эссе, внезапными вспышками памяти, как пруд зарастает травой, тростником, болотными лилиями. Повествование начинается в 2007-м году. Автору под шестьдесят. Тридцать лет назад он закончил институт, стал преподавать физику, встретил Марию, свою судьбоносную любовь, с которой через пару лет расстался и переехал в небольшой провинциальный город, где все так же преподает физику. В 1995-м году он оказывается в Америке, куда его пригласили работать по контракту и где он снова преподает физику. Вернувшись в Россию, в тот провинциальный город, куда он сбежал, потеряв Марию, он внезапно заболевает, но не умирает, – нет, он просто не может больше преподавать и меняет разные занятия, в конце концов став фонарщиком. Но и фонарь, который он зажигает вечером, внося в текст дыхание андерсоновской сказки, не совсем фонарь, он двоятся на то, что «здесь и сейчас», то есть предмет, предназначенный для освещения улиц, и в то же время он – стихотворение, которое освещает саму жизнь и прокладывает лирический ток через огромное жизненное пространство. «Я хочу, чтобы стихи стояли спокойными попутными фонарями, не обязательно мои. Пусть освещают», – говорит он.

В книге несколько главных героев, но каждый из них впитал в себя автора так глубоко и органично, что ни они не осязаемы без него, ни он без каждого из них. И это не подспорье, не костыли, это крайне жесткая необходимость, как гласная необходима после согласной и выдох после вдоха. Фонарщик – поэт, Леонид – прозаик, Дым – ценитель всевозможных художеств, эстет и бабник. И самый последний – Андрей, стихи которого одновременно и есть стихи самого автора. Происходит нечто вроде сращения нескольких позвоночников сразу, и они образуют крепкую, как камень, основу текста.

Понятие «литература» – растяжимо и многосоставно. Если я скажу, что проза Владимира Гандельмана «От фонаря» настолько же исповедальна и беззащитна, насколько и «литературна», я не унижу её достоинства. В ней есть какое-то врожденное лукавство, которое отличает большую литературу от средней, не способной к внезапному смеху и безобидной мистификации. И этой в чистом виде «литературы» Гандельман не сторонится, когда, не моргнув глазом, цитирует стихи Мандельштама:

*Событие великолепной жизни
Здесь и сегодня так громадно,
Что в воздухе висят флажками призмы*

*Домов, и зелень скошенная ароматна.
В ветвях уже закат рыжеет,
А проявление коры так крупно,
Что то, что любишь, в корне хорошеет,
Нельзя не жить и быть собой не трудно.*

Да нет у Мандельштама таких стихов! Нет и никогда не было. Так ведь он и не утверждает, что были. Стихи читает какойто угольно загоревший старик, босой и прокуренный, который заходит на огонек к студентам из строительного отряда, брошенным в Казахстан. Читайте внимательно: дремучий край, дремучий старик, приходит со своей неизменной сигаркой, безошибочно произносит трудное имя «Мандельштам» и с ходу наизусть читает его стихотворение! Бывает такое? Разумеется, нет. Неужели поверили?

Об этой книге можно написать много, поскольку она растормаживает и твою, читатель, жизнь, прожигает и твою, читатель, память, мнет в своих легких, горячих ладонях твое – да, не спорь! – недоступное «я». Ты просто не знаешь об этом.